

Интервью с юбиляром

«Восстановление дружбы и взаимопонимания между РФ и КНР — важнейшая задача русской внешней политики» (К 85-летию Р.Ш. Кудашева)

11 августа исполнилось 85 лет видному советскому и российскому китаисту Рашату Шарафутдиновичу Кудашеву. Имя его широко известно не только представителям отечественной синологии, но и многим зарубежным коллегам. Прежде всего, в Китае и США: именно в этих странах Рашат Шарафутдинович проработал в общей сложности два десятилетия своей насыщенной событиями интересной жизни.

О высоком профессионализме и великолепном знании им китайского языка говорить не приходится. Достаточно напомнить, что в течение многих лет Р.Ш. Кудашев выступал в качестве переводчика во время встреч советских и китайских лидеров на высшем уровне.

Наряду с деловыми, в первую очередь заслуживают быть особо отмеченными человеческие качества юбиляра, его простота и скромность.

Всем, кому доводилось ближе познакомиться с Григорием Александровичем, как он именует себя на русский манер, всегда импонируют его доброта и отзывчивость, честность и искренность, принципиальность и порядочность, стремление всей душой пытаться помогать тем, кто обращается к нему с какой-либо просьбой.

Сегодня, несмотря на почтенный возраст, Р.Ш. Кудашев, как и прежде в строю, трудится на благо Родины, внося вклад в развитие и укрепление российско-китайских отношений и нашего двустороннего сотрудничества.

Коллеги-востоковеды, сотрудники Института Дальнего Востока РАН, члены редакционной и редакции журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют юбиляра, желают ему крепкого здоровья, многих сил и долголетия!

Накануне юбилея редакция журнала попросила Р.Ш. Кудашева ответить на несколько вопросов. Ниже публикуется текст этого интервью.

1. Глубокоуважаемый Ришат Шарафутдинович, Вы — один из немногих советских и нынешних российских китаеведов старшего поколения, последовательно прошедших путь становления из переводчика в видного представителя партийно-государственной и дипломатической службы СССР. Об этом достаточно подробно рассказано в изданной Вами в 2008 г. книге «Моя жизнь в Китае». Не могли бы Вы вкратце напомнить об основных событиях в начале Вашей жизни, приведших на «Олимп» переводческого мастерства — к свободному владению китайским языком — одним из сложнейших в мире.

Окончив в 1947 г. среднюю школу, я решил поступить в Московский институт востоковедения на арабское отделение. Моя мать Халима Хайбуловна Кудашева окончила в свое время татарскую среднюю школу (медресе). В этой школе главным изучаемым предметом был Коран — своего рода мусульманская Библия. Причем она изучалась на арабском языке. Моя мать научила меня началам арабского языка. Я рассчитывал, что это поможет мне в его изучении. Но один из членов приемной комиссии Института востоковедения, Казакевич, долго и небезуспешно убеждал меня в необходимости поступать на китайское отделение, мотивируя это тем, что в Китае скоро завершится революция, и понадобится много людей, знающих китайский язык. Подумав, я согласился. Так я попал на китайское отделение Московского института востоковедения. Языковая группа была небольшой (7–9 человек). Я с интересом начал изучать китайский язык. На первых порах нас учили инвалид ВОВ Гингольд и китаец Чэнь Даошэн.

Вначале изучение китайского языка давалось с большим трудом. Мне даже снились сны, в которых я изучал китайский язык с его иероглификой и многими неожиданностями.

Позднее нам преподавали такие известные китаисты, как Борис Степанович Исаенко, Вяткин и Позднеева. Шаг за шагом я углублялся в китайский язык. Мне постепенно стал открываться новый мир, очень своеобразный, полный неожиданностей и насыщенный богатейшей историей. Одновременно рос интерес к непривычному языку.

Примерно на втором курсе меня стали привлекать к работе с китайскими молодежными делегациями, а несколько позже даже поручили поработать с женой Мао Цзэдуна госпожой Цзян Цин, которая приехала в СССР в связи с подозрением на онкологическое заболевание.

Я немного растерялся, поскольку совершенно не владел медицинской терминологией. Но крепкий, здоровый человек, который беседовал со мной в кабинете директора института, безапелляционно заявил, что меня для этой работы рекомендовали мои учителя китайского языка. Обращаясь ко мне, он сказал, что у меня есть еще целая неделя на то, чтобы пополнить знания в области раковых заболеваний. По его совету я обратился в 4-е Главное управление Минздрава СССР. Там меня снабдили толстенной, более 1000 страниц книгой «Гинекология» и пожелали успехов в непростом деле.

К моему удивлению, работа с женой Мао Цзэдуна прошла благополучно. Она похвалила меня. А в 4-м Главном управлении Минздрава мне сказали, что она всем очень довольна и, в частности, работой переводчика. Наверное, ее положительная оценка сыграла свою роль: меня стали уверенно использовать в качестве переводчика более важных китайских делегаций.

Но в моем становлении в качестве страноведа по Китаю со знанием китайского и английского языков заметную роль сыграл мой первый китайский начальник Дун Ли. Напомню, в 1951–1953 гг. я работал переводчиком — помощником китайского и русского начальников Харбинского эксплуатационного района Китайской Чанчуньской железной дороги. Жил в китайском общежитии работников Харбинского эксплуатационного района КЧЖД.

Дун Ли был отлично образованным человеком. Хорошо знал и любил китайскую литературу, поэзию. Он часто говорил мне, что для того, чтобы понять Китай, на-

до прочитать хотя бы самые известные литературные труды. Прочитав эти произведения, говорил он, хорошо поймешь китайцев, их душу. Это — романы «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», «Западный павильон», «Сон в Красном тереме», «Цзинь, Пин, Мэй».

Он часто приглашал меня смотреть и слушать пекинскую оперу. Я посмотрел «У Сун победил тигра», «Цзе Дунфэн», «Ба Ван бецзи», «Лян Шаньбо и Чжу Интай» и т.д. Читать эти известные в Китае литературные произведения, особенно поначалу, было непросто. Дун Ли понимал это и просил меня пересказать ему прочитанное, объясняя некоторые непонятные места. Постепенно я стал лучше понимать и пекинскую оперу, и китайские литературные произведения. Дун Ли подсказывал мне, какие известные в Китае стихи, каких авторов надо читать. Я заметил, что прочитав известные китайцам классические произведения, стихи и посмотрев целый ряд пекинских опер, многое стал понимать лучше. А это пробуждало во мне желание продолжать углублять мое понимание Китая и китайцев.

2. Характер переводческой деятельности на уровне высшего руководства нашей страны позволил Вам накопить богатый опыт непосредственного общения с китайскими лидерами — Мао Цзэдуном, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Дэн Сяопином и др. В книге Вы делитесь некоторыми впечатлениями в этой связи. И все же, исходя из контактов китайцев с нашими руководителями — Н.С. Хрущевым, Л.И. Брежневым, А.И. Микояном, А.Н. Косыгиным, М.А. Сусловым, свидетелем которых Вы были, хотелось бы знать подробнее, что представляли собой эти деятели как в политической, так и в реальной жизни? Кому из них, по Вашему мнению, более симпатизировало тогда советское руководство?

Работа переводчика, конечно, давала возможность наблюдать выдающихся китайских деятелей, так сказать, с близкого расстояния. В частности, мне приходилось неоднократно встречаться с Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци, Дэн Сяопином и многими другими китайскими политиками. Это были очень интересные, умудренные большим жизненным опытом люди, которые составляли руководящее ядро коммунистической партии и правительства.

Мао Цзэдун был признанным руководителем более 40 лет. Даже краткий перечень важных событий говорит о многом. При нем в 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая, он руководил созданием вооруженных сил КПК, вооруженной борьбой с японскими захватчиками, провозгласил создание Китайской Народной Республики и т.д.

Мао Цзэдун ценил Дэн Сяопина за его организаторские способности. Но, тем не менее, отправил его на «перевоспитание» в город Чанша на юге Китая. Я осторожно спросил его, не сказалось ли это на его отношении к Мао Цзэдуну. Дэн Сяопин, не задумываясь, быстро ответил, что если бы не было Мао Цзэдуна, то возможно не появился бы новый Китай. Было очевидно, что Дэн Сяопин тщательно обдумал, что говорить в связи с возможными вопросами.

Мао Цзэдун был человеком очень амбициозным и считал, что после смерти Сталина он должен стать «человеком номер один» в мировом коммунистическом движении. Но авторитет КПСС был настолько велик, что расчетам Мао Цзэдуна было невозможно осуществиться. Мао Цзэдун это понял и решил развернуть открытую полемику с КПСС по ряду важных вопросов.

Он стремился показать, что потенциал КПК и ее руководителей превосходит потенциал КПСС и ее руководства. Но сама жизнь показала несостоятельность претензий Мао Цзэдуна. Провал политики «большого скачка» и народных коммун, крах «великой пролетарской культурной революции» — очевидное тому доказательство.

Лю Шаоци долго был вторым человеком в руководстве Китая. Он, в частности, довольно длительное время занимал пост Председателя Китайской Народной Республики.

ки. Он считал, что надо придерживаться умеренного курса в руководстве народным хозяйством и в партийном строительстве.

Чжоу Эньлай — бессменный руководитель Государственного совета КНР (премьер-министр) — также придерживался умеренного курса в руководстве народным хозяйством и в партийном строительстве. Был очень популярен в китайском народе.

Дэн Сяопин провозгласил курс на открытость Китая внешнему миру. Прагматичный политический деятель. Широко известно его крылатое выражение: «не важно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей».

Советское руководство хорошо понимало, что открытую полемику с КПСС начал и поддерживал Мао Цзэдун. Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и многие другие видные китайские деятели ради выживания поддерживали Мао Цзэдуна и его авантюристическую политику, оставаясь в целом на умеренных позициях.

3. История советско-китайских отношений сложилась так, как сложилась, и не имеет сослагательного наклонения. Однако хочется спросить Вас как видного дипломата, проработавшего в Китае 12 лет, что наша страна не смогла, не захотела сделать или сделала недостаточно для того, чтобы, по возможности, не доводить отношения с КНР до той степени обострения, которой они достигли после событий 1969 г. на острове Даманский?

В советско-китайских отношениях бывало разное: в первые годы после образования Китайской Народной Республики наступил период дружбы, потом в 1960-х—1970-х гг. отношения ухудшились вплоть до противостояния, а после того, как умер Мао Цзэдун и к власти пришел Дэн Сяопин, двусторонние отношения вновь улучшились, и мы вступили в период стратегического партнерства, дружбы и добрососедства. Подписанное соглашение о поставках газа в КНР в течении 30 лет в небывалом объеме само по себе говорит о том, что отношения между нашими странами вышли на небывало высокий уровень.

Я был свидетелем того, что руководство КПСС и СССР делало все возможное для того, чтобы добиться решения спорных вопросов и нормализовать двусторонние отношения.

Но главная трудность в решении этих задач состояла в том, что открытая полемика была инициирована и поддерживалась самим Мао Цзэдуном и его сторонниками. Думаю, что в условиях того времени советское руководство всеми доступными ему методами стремилось убедить китайское руководство в том, что наша сторона искренне стремилась решить все спорные вопросы и вернуть наши отношения на путь дружбы, добрососедства.

В деле улучшения двусторонних отношений заметную роль сыграли переговоры А.Н. Косыгина с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем в пекинском аэропорту в 1969 г. В результате была достигнута устная договоренность о возобновлении переговоров по пограничным вопросам. В целом переговоры способствовали улучшению общей атмосферы в двухсторонних отношениях.

4. Трагедия на Даманском, как выяснилось, стала «сигналом» для США, начавших искать подходы к восстановлению и нормализации отношений с Китаем. Два с половиной года спустя КНР заняла место Тайваня в ООН, затем состоялся сенсационный визит Никсона в Пекин. Как воспринимались тогда эти события в советских политических и дипломатических кругах, к коим Вы имели отношение? Что Вам известно о мерах, которые планировалось предпринять, чтобы поколебать эту нацеленную против СССР американо-китайскую «связку»?

События на острове Даманском были восприняты в США как фактор, который мог быть использован для нормализации отношений США с КНР. Наступил короткий период улучшения отношений КНР с США. Однако одностороннее улучшение отношений с Соединенными Штатами сужало свободу маневра Китая и настораживало многие стра-

ны. Советское руководство противопоставило этому курсу Запада искреннее стремление СССР к улучшению отношений с Китаем.

5. В 1977 г. начался американский этап Вашей дипломатической деятельности — назначение на должность «главного китаиста» в Представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В отличие от китайского, об американском периоде Вашей работы известно значительно меньше. Не могли бы Вы поделиться сегодня интересными фактами и эпизодами деятельности в США. Насколько эффективно удавалось «отслеживать» Китай и его контакты с Западом из «логова главного противника»? Что удалось сделать нашим дипломатам в Америке для того, чтобы американо-китайские отношения окончательно не приняли тогда конфигурацию стратегического альянса, обращенного против СССР?

Быстрое одностороннее развитие китайско-американских отношений вызывало понятную озабоченность советского руководства. В целях расширения информационно-аналитической работы было решено направить в ряд советских загранучреждений дипломатов-китаеведов. Я был направлен в 1977 г. в Нью-Йорк (США) на работу в Постоянное представительство СССР при Организации Объединенных Наций.

В Нью-Йорке насчитывалось более 100 иностранных генеральных консульств и других дипломатических и торгово-экономических представительств, а также много американских вузов и общественных организаций — в том числе Колумбийский и Нью-Йоркский университеты, Совет по американо-китайским отношениям, Религиозный совет по отношениям США с КНР. Вопросами американо-китайских отношений занимались также крупные корпорации, банки и т.д. Такая концентрация носителей нужных сведений создавала благоприятные условия для сбора необходимой информации. Конечно, мы использовали эти возможности и наладили регулярную подготовку информационно-справочных материалов.

Американские ученые и бизнесмены, убедившись, что я дипломат-китаист, в ходе встреч делились своими соображениями о внешней политике КНР, которые представляли определенный интерес. Представительство СССР при ООН пересылало эти материалы в МИД СССР.

Китайским деятелям во главе с Дэн Сяопином становились все яснее, что односторонняя ориентация китайской внешней политики на развитие отношений с Соединенными Штатами становится контрпродуктивной, наносит вред авторитету Китая среди стран так называемого «третьего мира». Руководство КНР приняло решение о развитии отношений и с СССР.

После прихода Дэн Сяопина к власти все «вернулось на круги своя». Отношения между нашими странами стали быстро развиваться и превратились в «стратегическое партнерство».

6. Возвратившись из командировки в США, Вы продолжили работу в аппарате ЦК КПСС, где занимались вопросами кадровой политики — подбором сотрудников для дипломатических и других совзагранучреждений. Зная Вас много лет как человека кристальной честности, принципиальности и порядочности, чуждого формализму и готового объективно вникать во все обстоятельства, думаю, для такой работы Вы подходили как никто иной. С другой стороны, деятельность кадровых служб внешне носит порою печать излишней бюрократизированности и заорганизованности. Что можно сказать о ее содержании, важности и той огромной ответственности, которая лежала тогда на Ваших плечах?

Возвратившись на родину, я вернулся на работу в аппарат ЦК КПСС. Я, как и прежде, занимался партийной работой. В мои обязанности, в частности, входил подбор людей на работу в загранучреждения СССР. По сей день горжусь тем, что в 1980-е гг. принимал участие в рекомендациях Олега Александровича Трояновского, под руководством которого работал в Представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке, на пост

Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в КНР. Его вклад в развитие и укрепление советско-китайских отношений в то время трудно было переоценить. Важной составной частью моей работы был подбор дипломатов-китаеведов. На моем рабочем уровне эта работа была поставлена неплохо. Появление в ряде посольств СССР за рубежом дипломатов-китаеведов способствовало повышению уровня информационно-аналитической работы по китайско-американской проблематике. Эта работа была довольно сложной и требовала немалых усилий. Но я занимался ею с большой охотой, так как считал и считаю, что восстановление дружбы и взаимопонимания между Россией и Китаем — одна из важнейших задач нашей внешней политики.

7. Думаю, сегодня не будет преувеличением говорить о «дипломатической династии» Кудашевых: Ваш младший сын Николай, успешно пройдя основные этапы мидовской карьеры, достойно представляет нашу страну в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации на Филиппинах. Какие чувства Вы испытываете по этому поводу?

Мой сын — Николай Кудашев сейчас является послом РФ на Филиппинах. Я рад, что он стал успешным дипломатом.

8. Несмотря на почтенный возраст, Вы по-прежнему в строю, трудитесь на ниве российско-китайского сотрудничества. Чем конкретно Вы теперь занимаетесь?

Мне уже 85 лет. Возраст «пенсионный». Но я считаю, что пока есть силы и позволяет здоровье, обязательно надо работать. На пенсию по возрасту я ушел в 1990 г. Несколько лет работал в отделении Китайской шелковой компании в Москве, а в 2000 г. перешел на работу в китайское представительство Центра развития торговли и управления инвестициями в Европе.

9. Последние 35 лет мир является свидетелем огромных успехов Китая, выдвинувших его на позиции второй экономической державы мира. Что, по Вашему мнению, лежит в основе этих успехов? Есть ли у КНР для этого какие-то особые рецепты, неприемлемые для России, или в нашем отставании повинны собственные «национальные особенности», которых нет у китайцев?

В 1976 г. умерли Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ. Обстановка в КПК и КНР меняется, «старая партийная гвардия» возвращается к власти. Дэн Сяопин приходит в 1979 г. к власти, восстанавливает добрые отношения между Компартией Китая и Коммунистической партией Советского Союза. Дэн Сяопин провозгласил политику открытости Китая для внешнего мира. В результате Китай развивается и становится второй страной в мире по экономической мощи. Конечно, это происходит, прежде всего, потому, что китайцы учитывают экономические закономерности и создают благоприятные условия для ускоренного развития страны.

Беседовал А. Давыдов.